

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires Argentina

AÑO XXIX

Buenos Aires, martes 25 de Octubre de 1977

Буэнос Айрес, вторник 25 октября 1977 г.

N° 1443

ВЛАДИМИР ОСИПОВ

РУССКИЙ ХУДОЖНИК ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ

Слева, на зеленом холме у стен дитинца два всадника: русский витязь в биевых доспехах, рядом отрок на белом коне. Два князя. Отец и сын. Перед ними над плотным слоем свинцово-светлеющей воды во всю ширину полотна взмывает небо в напряженных, грозящих гибелью тучах. Далеко на горизонте оно съедается чернотой, ползущей с пожарами.

«Смотри, сын...» — отчетливо звучит с холма жест витязя, простершего руку навстречу зареву... Багряное крыло плаща старшего князя взметенное холодным ветром, уравнивает языки пламени надвигающегося пожара. «Там павшие за землю Русскую, дед, прадед и все праотцы. И когда отец твой ляжет, надеждой будешь ты, князь...». Лицо мальчика исполнено недетской решимости, а когтя дружины за холмом и крест на башне придадут происходящему силу клятвенной твердости.

Художник написал много картин, но даже если бы он создал одну эту, то и тогда имя его осталось бы навсегда в русской национальной живописи. «Два князя» — произведение такой же нравственной и патриотической силы, как «Вечный бой» Н. Рериха и «Видение отроку Варфоломею» М. Нестерова. Но в многогранном творчестве Ильи Глазунова это произведение не занимает исключительного места. И трудно сказать, какое именно из созданных художником полотен более других обессмертит его имя.

В нашу задачу не входит специальное исследование живописи Ильи Глазунова. Задача этих заметок — сказать о художнике, как о сыне своего времени, как о сыне своего народа.

Если попытаться в двух словах определить главное направление художнических исканий его, то можно сказать, что это прежде всего — утверждение непрерывности русских традиций. Дорога Руси началась далеко: от походов Святослава и плена Игорева, через битву при Калке и на Куликовом поле идет она к кровавым полям Бородины и Сталинграда. Художник прошел по этой дороге заново. Он пережил все события русской истории изнутри, глубоко вживаясь в её боль, муки, надежды. В то время как его коллеги по кисти и собраты по перу устремлялись к «вершинам современности», опаивали себя Кафкой и млели перед размазками досужего Пикассо, закусившего удила, в своем беге от национального, Илья Глазунов заговорил о России и заставил себя слушать. Этой заслуги у Глазунова никому не отнять. И если (помечтаем) будет когда нибудь написана объективная история русской живописи 2-ой половины 20-го века, то она по праву откроется его именем.

«Бывают странные совпадения» — сказал Александр Пушкин, узнав, что в день, когда он поставил точку в последней строке «Графа Нулина», «декабристы» вышли на Сенатскую площадь. Глубоко символично, что первая выставка Ильи Глазунова совпала по времени с выставкой этюдов к так и не воплощенному (опять символично...) замыслу П. Корина «Русь уходящая». Илья Глазунов как бы принял свечу из рук старшего ма-

стера и понес её дальше, следя чтобы она не погасла...

Глазунов своим мастерством и проникновением в сердца зрителей заставил свое поколение, и не только свое, обратить взоры в самих себя, взглянуться в лицо России. — «Вы-русские...», властно сказали полотна художника неприкаянным людям, выбили из рук их горшок с пресловутой чечевичной похлебкой. И люди вспомнили, что они есть и есть — Россия. Начало положено. Искра не загасла, свет горел не зря. И дальше — всё в руках получивших его... Со всей присущей ему страстностью Глазунов выполняет призвание и высший долг истинного художника — вносить незабываемую гармонию в хаос происходящего.....

Илья Сергеевич Глазунов родился в 1930 году в Ленинграде. С детства напоен духом Санкт-Петербурга. Этому немало способствовали рассказы отца-историка, возившего сына по знаменитым окрестностям города. Мать Ильи Сергеевича, человек высокой, утонченной культуры, происходила из аристократического рода. Вся семья Глазуновых погибла в блокаду. Эвакуация, деревня... После снятия блокады Илья возвращается в родной город, поступает в среднюю художественную школу. Пройдя сквозь и тьму, голод и холод зимы 1941-42 гг., вкусив красоты, тишины русской земли в деревне под Боровичами, юный Илья начинает борьбу за жизнь. Квартиру на Петроградской после смерти матери прибрали к рукам «добрые люди»... Жизнь в углу у двоюродной сестры, полуголодная юность... Невзгоды ломают слабых, сильных духом они закаляют. Настойчивость, целеустремленность и выдержка отличали Илью со школы. И уже неважно, под какими девизами протекает учение в Академии Художеств. Илья Глазунов будет самим собой, будет писать так, как он считает нужным. И задача его — не только выразить себя, но и сделать свое достоинство — достоинством общим.

Человек активного действия, Илья, будучи студентом-дипломантом, показывает свои картины в ЦДРИ в Москве. Первая же выставка принесла бурный успех, широкую известность.

50-ые годы... В советском искусстве преобладает помпезность, лафос строя, сражений и побед, парадных портретов лауреатов и героев. Для изображения всех трагедий эпохи отводились такие

полотна, как «Опять двойка» или «Обсуждение двойки». С холстов улыбались пслнотельные колхозницы и суровые шахтеры, среди дымящихся развалин неслись на Запад танки, а по обочинам дорог валялись безобразные фашисты. Процветал индустриальный пейзаж. Одиноко стояла фигура Корина на фоне танковых бригад, призванных сегодня «отразить» жизнь укрупненных колхозов, а завтра — «сперативные состязания». И вдруг — работы Глазунова... Здесь, действительно, люди, здесь — «маленькие трагедии» большого города посреди заурядного городского пейзажа, мостов, сумерок и непогоды заводских окраин.

Разрушена ложь. Глазунов первый показал широкому зрителю интимную жизнь человека, его любовь, радости, горе... Уставший от бесконечного газетного ликования на десятках и сотнях полотен официальных живописцев зритель, наконец, узнал себя, свою жизнь, полную скорби, трагедий, тревог. И обо всем этом было сказано с подкупающей искренностью, поэтично и смело. В портретах вместо «социальной характеристики» («Учительница», «Рабочий», «Стахановец») зритель увидел саму душу человека... Зрителей поразила какая-то необычайно душевная сосредоточенность и напряженность, которую художник улавливал в глазах тех, кого писал. «Грустный художник взволновал Москву» — рассказывал чилийский журнал. Но главное, что открылось на этой выставке — это глубокий интерес Глазунова к древней истории своей Родины, к её древнему искусству; это трезвое, вопросительное-испытующее взглядывание в лицо России и напряженное ожидание ответа, ответа на то, что для русского человека есть вопрос жизни и смерти.

Глазунов первый, кто осмелился показать полотна с церковью в русском пейзаже. Впервые после силосных башен после колхозных празднеств появилась вечная Россия. Поразил всех Достоевский, тогда запрещенный — «Князь Мышкин», «Нечочка Незванова». — «Спасибо за Русь» — так один из посетителей выразил чувства многочисленной публики.

Первая выставка — как бы заявка Глазунова. Потом он будет разрабатывать и углублять намечившиеся здесь темы и сюжеты.

Вместе с известностью явились и черные дни. Живопись Ильи Глазунова была расценена как отход от живописи социа-

листического реализма. Такие корифеи последней, как С. Герасимов и Б. Иогансон (заметим, педагог Глазунова) в статье «Путь указанный партией» подвергли молодого художника злобной критике. Началась активная травля. С той поры, ни одна его картина ни разу не приобреталась ни Союзом Художников, ни Министерством Культуры.

По возвращении в Ленинград Глазунову отомстили за выставку доступным сружнем: он получил тройку за дипломную работу. Если всем выпускникам Академии предоставлялась возможность остаться в Ленинграде либо ехать куда угодно, Глазунову предложили Ижевск, потом заменили Ижевск на Иваново, где Илья должен был стать преподавателем черчения и рисования в ремесленном училище. К счастью, председатель Ивановского отделения Союза Художников среагировал своеобразно: «Убирайтесь отсюда... Вы своим формализмом испортите мне моих ребят...» На свой страх и риск, не имея никакой поддержки, Илья перебирается в Москву и живет без прописки вместе со своей женой Ниной в микрокопической комнатке (5 кв. метров — кладовка для глины) у скульптора испанца Дионисия Гарсия. Здесь, на улице Воровского, в комнатенке, где едва умещались раскладушка и стол-чемодан, Илья и Нина прожили два года. Все попытки получить квартиру и прописаться оставались безрезультатными. С. Герасимов по этому поводу не преминул заявить: «Даже Микельанджело, неимющему московской прописки, я бы отказал».

Глазунов кое-как существует за счет личных заказов на протреты писателей, высокопоставленных дам... Бедность — и, как всегда, труд... Илья читает, думает, донашивает планы... Любовь к России не позволяет сомневаться в верности выбранного пути. Упрямого художника не оставляет уверенность, что он «пробьется», но пока — «нет пророка в своем отечестве»...

В огромной коммунальной квартире, куда входила кладовка Глазуновых, раздавался телефонный звонок. Звонила жена посла Швеции в СССР мадам Сульман. Два года тому назад она вместе с женой американского посла посетила выставку Глазунова и теперь хочет, чтобы Илья нарисовал её портрет. Опальный художник, уже приобретший некоторый житейский опыт, многозначительно ответил: «Я с радостью сделаю Вам портрет, если Вы обратитесь ко мне через МИД». Однако Министерство иностранных дел в течение полугода по очереди предлагает мадам Сульман любых отборных портретистов, а самому Глазунову рекомендует отклонить предложение. Никогда не покидавшее Илью чувство юмора подсказало ему резонный ответ: «А вы передайте ей, что я умер».

На большом приеме в шведском посольстве супруга посла пожаловалась Хрущеву: «Больше, чем полгода, прошу Глазунова сделать портрет мой и моего внука, а ваше МИД отказывает». Хрущев тут же приказал Михайлову: «Завтра же пусть Глазунов начинает работу». Утро следующего дня принесло из МИД в каморку Глазунова следующую указа-

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

В 60-ю годовщину октябрьской революции в воскресенье 6 го ноября 1977 года в Кафедральном Соборе Воскресения Христова в Буэнос Айресе после Божественной литургии будет отслужена

ПАНИХИДА

по павшим на поле брани в борьбе с коммунистами, насильственно захватившими власть в России, и по умученным и погибшим в застенках и концлагерях КГБ на протяжении этих, трагических для России, 60 ти лет.

Редакция «Нашей Страны»

Редакция «Русской Газеты»

ние: «Достаньте себе костюм и сделайте портрет».

Мадам Сульман оказалась Зинаидой Александровной, урожденной Оболенской...

Успех портрета госпожи Сульман и благодарственное письмо посла Глазунову привлекли к художнику внимание многих дипломатов. Послы французский и американский, а также турецкий также заказали Глазунову свои портреты. В это же время (1959) в Италии вышла монография Паоло Риччи «Илья Глазунов». Появились благосклонные отзывы и в советской печати. И наконец-то, как немаловажный показатель успеха, — прописка в Москве (ходатайствовал С. Михалков, он лично просил Фурцеву о прописке Глазунова). Два года спустя И. С. Глазунов получает разрешение на поездку в Польшу. Его картины экспонируются в Варшаве, Кракове, Катовицах. «Живопись честного человека» — так оценили поляки эти выставки.

Художник попрежнему много работает. Пополняется его лирический цикл, все отчетливее звучит национальная тема, глубокая психологичность портретов свидетельствует о серьезных раздумьях о человеке, его нравственных истоках и возможностях. Каждый образ художника сугубо индивидуален и лишен социальной маски. О Глазунове много пишет мировая печать, там, за рубежом, — одиночное признание.

Московский кинофестиваль 1961 года, новые друзья — Лукино Висконти и Джина Лоллобриджида. Они еще в Италии прочитали монографию Риччи и искали в Москве Глазунова: замечательный портретист должен написать их портреты... Лукино и Джина очарованы гостеприимным хозяином, блестящим собеседником. Но окончательно европейцы были сражены, как только Илья стал рисовать. За два часа готовы четыре портрета. Портрет Джини сделан за двадцать минут... Потрясенные, они пригласили его в Италию. На вопрос Фурцевой о самом сильном впечатлении в Москве, итальянцы с жаром отвечали: «Илья Глазунов»... Благодаря их усилиям долгим и многотрудным, министерство наконец (в 1963 году) разрешило Глазунову посетить Италию.

На протяжении двух месяцев 1963 года Илья плодотворно работает в Италии. Все два месяца в Италии открыта выставка его картин. «Антисталинист палитры», «успех Глазунова — успех России», писали итальянские газеты.

«Нет пророка в своем отечестве» Признание художника за рубежом укрепило его положение на родине. Появилась возможность обзавестись собственной мастерской, принятый Фурцевой Глазунов получает обещание закрепить за ним чердачное помещение, как только он сам его подыщет.

Июль 1964 года, выставка в Манеже.. Многотысячные толпы зрителей, многочасовые стоянки в очередях... мощная симфония русской истории звучит с полотен Глазунова, молодому зрителю открывается русский характер, величие прошлого. Молодежь валит валиком. Восемнадцатилетняя студентка выразила общее: «Он (Илья Глазунов) перевернул мою жизнь...» Разумеется, русская тема и своеобразие художественного метода представленных в Манеже полотен возбудили открытую ненависть официальных и «мансардных» художников. Ненависть идейная подкреплялась личной завистью к большому таланту. В газете «Вечерняя Москва» появилась злопыхательский опус: «По поводу одной выставки. Письмо в редакцию». Сочинители: И. Бережной, Н. Волков, А. Кибальчиков, Н. Петров — члены партбюро МОСХ — а дали творчеству Глазунова оценку в духе испытанной традиции политических доносов: «Сусально-русское с мистическим или точнее церковным оттенком, которое упорно навязывали народу в конце XIX и начале XX веков». «Где у Глазунова чувство современности, — ворковали они, — связь с нашей жизнью, как он мыслит свое участие в строительстве коммунизма?». Поспешно последовавшее закрытие выставки вызвало негодование москвичей. Протест молодежи вылился в доселе небывалую сидячую забастовку. На закрытом обсуждении в министерстве культуры парторг МК по Союзу художников Бережной подвел итоги: «Глазунов нанес такой вред советской власти, что на долгое время закрыл себе дорогу в МОСХ. С такими людьми надо бороться. В прежние времена таких расстреливали». Однако, на этом же обсуждении прозвучали и другие голоса. В защиту художника-патриота выступил генерал Востоков: «После выстав-

РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ

МОЛИТВА

Молитва.

Надо молиться!

Молитвы бывают всякие, личные и общественные.

Молитвы бывают искренние, душевные, от души.

Молитвы бывают формальные, только говорюшь слова.

Надо молиться!

Молиться с верой...

Но как верить, когда знаешь, что будут молиться, чтоб соблюсти формулу!

Молитва может быть ведь чудом?

Надо молиться!

Не думать о том, как есть, как может быть, а надо молиться...

В молитвах мы просим, а Бог исполняет.

Богу невозможного нет!

Промысел Божий ведь и заключается в том, чтоб вывести нас из наших лабиринтов.

Мы запутались в своих лабиринтах.

Надо молиться!

Положиться на волю Божию.

Богу невозможного нет!

РУССКИЙ ХРИСТИАНИН

«ВЕЧЕ» № 3

ки Глазунова хочется взять оружие и умереть за Родину. Наш позор, что к таким великим темам не обращается ни один наш художник.

1966 год... В Москву прибывает премьер-министр Дании Енг Краг, который просит Косыгина разрешить Глазунову сделать портрет его жены. По окончании портретов самого датского премьера и его жены, Илья, наконец, «удостоен части» быть принятым в МОСХ.

Спустя год через посредство ЦК ВЛКСМ Глазунов едет в качестве корреспондента «К.П.» в Северный Вьетнам. Его азиатский цикл вызывает ощущение остроты борьбы мировых сил. В этом смысле особенно характерна картина «Пробудившийся Восток». Как символ чуждого мира на переднем плане фигура Буддийского божества. За непроницаемой наружностью невозможно разгадать что-либо, кроме жажды мести, которая обещает быть ужасной. Злорадно хохочет рогатый демон, вышитый на ризах божества. Резной дракон на крыше пагоды осеняет пламенем из разверстой пасти шеренги вооруженных людей. По возвращении в Россию, Глазунов под впечатлением от виденного в Азии напишет «Русский князь в татарском плену». Но пока король Лаоса, самого древнего королевства на земле, любитель русского искусства, пожелал иметь свой портрет кисти Глазунова. По окончании портрета Илье Сергеевичу вручается высший орден Лаоса в области культуры — впервые за всю историю Лаоса такой орден вручен русскому человеку.

Возвратившись домой Илья с еще большей страстью берется за русскую тему. Рождаются его знаменитые циклы: иллюстрации к Достоевскому, к Мельникову-Печерскому.

В 1968 году состоялась поездка в Париж по приглашению деятелей культуры Франции. Выставка, громадный успех, заказаны и выполнены портреты едва ли не всего французского кабинета министров. С триумфом возвращается Илья домой.

Тем временем на родине Глазунову как бы «простили» «отход от социалистического реализма». Глазунов слишком известен, слишком крупный художник, чтобы подвергать его политическому ostrаклизму. Ломались во все окна, а вышли в запасную дверь: нашлись круглые фразы и штампованные определения, вышесленные бездарной и давно скомпрометировавшей себя критикой. Московским издательством «Изобразительное искусство» выпущена в свет монография, пишутся статьи и делаются благожелательные сообщения. Всею этому следовало бы предпослать прутковское: **н е в е р ь с в о и м г л а з а м**. Еще в июле 1962 года С. Смирнов в «Литературной газете» писал о том непонимании, о той враждебности и злобе, с которой встретило официальное наше искусствоведение молодого художника. Нужен был талант Глазунова, его неимоверная энергия и его целеустремленность, чтобы проложить себе дорогу, завоевать по праву принадлежащее ему место в современном русском искусстве.

Бороться приходится всем, и хорошим, и плохим, но если карьерист борется с отдельными личностями, то идейный борец всегда наталкивается на сплоченную стену враждебности и отчуждения. И чем сильнее его положительное воздействие, тем изощреннее месть врагов. Начиная с первой выставки Глазунова и до сего дня, Илья — ярчайшая мишень

для массивной клеветы. Не минуя поставленные ему баррикады, оставляя грязь тем, кто её произвел, Глазунов достойно выходит к благодарному зрителю, слушателю, читателю.

Если раньше русские художники были не только образованными читателями, но и создателями прекрасных книг, то о теперешних членах Союза художников этого не скажешь. Во всем, что не касается их карьеры запасы их знаний так скромны...

Глазунов же при гигантской профессиональной загруженности нашел силы и время для создания книги «Дорога к тебе», которая вся — гимн Родине.

С первой же встречи со зрителем, Глазунов — кумир молодежи. В 60-ые годы молодого художника наперебой приглашают в институты, дворцы культуры, туда, где есть молодежь, где есть интерес и любовь к искусству. (Приглашали бы с той же частотой и сейчас, если бы не теперешнее запрещение дискуссий). Великодушный оратор, прекрасно образцованный, безукоризненно владеющий искусством юмора, он завораживает аудиторию с первых слов. Слова — о большом о глубоком, о настоящем... Перед переполненным залом на экране — «Одиночество», «Холод», «Голод», «Русский Икар», «Достоевский», «Нина»... Каждая встреча с Глазуновым становится событием в духовной жизни аудитории.

Но если по одну руку от Глазунова стоит его друг, то по другую стоит его враг. Характерна история последней выставки его в СССР и первой в его родном Ленинграде. Выставка состоялась в октябре 1972 года... Выставка эта не была организована или разрешена «сверху»... О, нет, все, как всегда, было значительно проще. Поклонник живописи Глазунова, старейший борец за спасение памятников Ленинграда в один из своих приездов в Москву вдруг задал Илье Сергеевичу вопрос: «А почему бы не устроить выставку картин Глазунова в Ленинграде, в Доме офицеров, где в руководстве умные и культурные люди?». И, несмотря на совершенное несогласие уставших от бесконечных наговоров Ильи и Нины, начал хлопотать. Хлопоты оказались успешными, и вот 7-го октября выставка открылась. Обслуживают её студенты, молодые ревнители живописи Глазунова. Все время работы выставки в залах тесно настолько, что невозможно пройти от стены к стене. Поток зрителей постоянно прибывает снаружи, питаемый дальнейшей очередью. Успех? Да, несомненный. Неужели ничто его не омрачит? Ну, конечно, вот она, мразь, не допускающая успеха русского художника, она материализовалась в виде самодовольных подвыпивших молодцов, которые циркулируют по залам с утра до вечера, им все не нравится, их красные физиономии глумливо ухмыляются. Они едва не сплевывают сквозь зубы на каждое висящее полотно. Брань и хула следуют за ними. Они не пропускают ни одной восторженной девочки, не навесив ей на уши эпитетов из своего читатника. Один из них занял ключевую позицию: он стоит у книги отзывов и не подпускает к ней никого, кроме своих. Свои же пишут: «Галерея царей» «Антисоветчина», «Религиозная пропаганда». А в один прекрасный из дней эти молодчики, взявшись под руки, плотно выстроились вдоль стен: «Не смотрите». Только солдатам уличного патруля удалось вытолкнуть «стражей на-

редной нравственности» в двери. Но они готовятся посчитаться с Глазуновым... И вот выставка на неделю раньше срока объявляется закрытой... Кто-то таинственный и всемогущий так приказал...

Да, тяжело: тернист путь художника, на знамени которого начертано слово Россия... А художник Глазунов поистине национален. Но не только потому, что он сохранил верность русской теме и методу отечественной школы, в лице её наиболее ярких представителей — Васнецова, Сурикова, Рериха, Нестерова... Работа над иллюстрированием русской классики (Достоевский, Пушкин, А. К. Толстой, Мельников-Печерский), отмеченная печатью истинного гения по таким проникновениям в тайну образов, также не исчерпывает его «национализма». Глазунов — это прежде всего доверие к красоте Божьего мира, что глубоко соответствует духовной традиции русской классической живописи. Это, кроме того, органическое соподчинение исторической, эмоциональной, символической и иных плоскостей восприятия, некоторому главенствующему принципу так что все видение художника исходит от нравственного идеала или восходит к нему. Такая позиция ограждает как от опасности служения идолу сугубого символа, как и абстракционизма, так в еще большей степени к идолу политического фанатизма, как в пресловутом «соцреализме».

Именно в силу того, что искусство Глазунова является несомненным продолжением национальных традиций русской живописи, оно удивительно самобытно. Он — один из столь немногих в наше время художников, искусство которого неотделимая часть его личности.

Илья Глазунов один из столь немногих в наше время художников, на искусстве которого не лежит никаких «печатей» — искусство его свободно. Но свободно оно не той «расслабленной свободой» подпольного искусства, которое точнее назвать словом «безответственность». Глазунов — художник, искусство которого без осечки выполняет задачу, поставленную автором. Все его работы пронизаны острым чувством гражданственности, не по принуждению, не из конформизма, дескать «так надо в наше время», а потому что он — гражданин всем своим существом, сын своего народа, не отделяющий свою личную судьбу от общей судьбы русских. Его искусство — это подвиг служения, для него не существует компромиссов, ибо его жизнь — жизнь человека, глубоко верящего в бессмертие души и национального бытия России. Именно в этом и заключаются русские традиции, именно поэтому Илья Глазунов — художник подлинно русский.

Рассказ о жизненном пути Ильи Сергеевича был бы неполным, если не сказать о громадной роли его в борьбе за сохранение и возрождение русской национальной культуры. Он всегда там, где культура его России терпит наибольший ущерб. Вместе с Коробовым, Тыманом, Ворониним, он стал одним из инициаторов создания Общества охраны памятников истории и культуры. Как известно, последние годы правления Хрущева в частности ознаменовались интенсивным разрушением памятников архитектуры. Мы все помним то время, когда люди не постыдились взорвать собор XII века в Витебске. Когда же группа советской интеллигенции обратилась к Хрущеву с просьбой о создании добровольного общества охраны памятников старины, Хрущев вырвал и порвал обращение, которое зачитывал Михалков. Но Глазунов не теряет присутствия духа и тут же создает секцию охраны памятников при советском комитете защиты мира (из этой секции современем вырастают все-таки общество охраны памятников). Спасение русской культуры через спасение памятников её становится вторым делом жизни Ильи Глазунова.

Вот характерный случай. В 1964 году мастерскую, тогда опального художника посетил А. Аджубей. Картины понравились, и редактор «Известий» предложил Глазунову на выбор: «Даю подвал. Или статья о тебе или твоя статья об охране памятников». Илья выбрал второе. Два года с 1964 по 1966 целиком посвящены борьбе за памятники. Существуют проблемы волнующей Глазунова, отражены в названии одной из статей, написанных им в те годы, «Культура и патриотизм».

И, наконец, в 1966 году одержана крупнейшая победа — создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Илья тут же орга-

МОЯ ИСПОВЕДЬ

(К 80-летию)

«Себя на суд Вам отдаю»

(«Евгений Онегин» А. С. Пушкина)

На наступившем девятом десятке лет не страшась человеческого суда, но спокойно ожидая приближающегося суда Божия, я излагаю свою автобиографию.

Родился 7/20 октября 1897 года, в семье врача-приват-доцента Императорской Военно-Медицинской Академии, известного диагноста с большой частной практикой (зимой — в Петербурге, а летом на Кавказских Минеральных водах). Я с 3-х лет учил французский язык, с девяти лет — немецкий и с 14-ти лет английский, чем объясняются мои выступления на этих языках в эмиграции, за что я благодарен строгой матери.

С 1881 года отец был бесплатным консультантом женских Институтів Водоства Учреждений Императрицы Марии и в 1906 году получил чин действительного статского советника, давший ему потомственное дворянство. Так я, в 1910 году по конкурсу экзамену поступил в Императорское Училище Правоведения, которое окончил также и отец моей матери, умерший сенатором В. П. Мордухай-Болтовский, муж сестры моей матери и два двоюродных дяди.

В январе 1917 года кончил Училище ускоренным выпуском с первой золотой медалью и занесением на мраморную доску. Зачислен во второй (ближневосточный) политический отдел Министерства Иностранных Дел, и с 1-го февраля поступил на артиллерийское отделение ускоренных курсов Пажеского корпуса. В ночь на 25-го февраля лежа на тающем снегу во дворе готового к обороне корпуса, заболел воспалением легких, которое переносил в тяжелые дни революции, что привело при удрученном настроении к туберкулезному процессу легочных верхушек и увольнению с военной службы.

Со всем составом министерства иностранных дел отказавшись служить советскому правительству, уехал в Казань, где два года с лишком занимался между-

народным правом у профессора Кравченко и государственным правом у профессора В. В. Ивановского. Сдал 24-го апреля 1920 года магистратский экзамен и стал приват-доцентом Казанского, а в 1920-21 уч. году Саратовского университета. Осенью 1921 года вернулся в

ПРОФЕССОР С. В. ГРОТОВ
(А. РОСТОВ)

Редакция «Нашей Страны» сердечно поздравляет дорогого юбиляра с исполнившимся 80-летием и желает еще на многие годы сил и здоровья для продолжения своей многолетней деятельности — борьбы с коммунизмом и за народную монархию.

родной город, где стал с 1921 года приват-доцентом, а с 1927 года профессором международного права. Опубликовал две научные работы. В 1924 году — «Балканы, как очаг европейских столкновений» под редакцией академика С. Ф. Платонова и в 1927 году — «Внешняя торговая политика СССР в международных дого-

ворах» с предисловием академика Е. В. Тарле. Близость к этим двум академикам, обвиненным в монархическом заговоре, привела к моему аресту в ночь на 5-ое февраля 1930 года. На другой день меня четыре часа допрашивал начальник 2-го отдела секретно-оперативного управления ОГПУ А. Р. Стромин, но лишь 26-го апреля мне предъявлено обвинение в «участии в контрреволюционной организации академика Платонова, поставившей себе целью путем склонения иностранных правительств к вооруженному вмешательству, свержение советского строя в СССР и установление монархического». Историю этого выдуманного дела я подробно изложил в 4-х статьях в журнале «Возрождение» за сентябрь-декабрь 1958 года.

16-го февраля 1931 года мне принесли на подпись приговор тройки ОГПУ при Ленинградском Военном Округе: «Заключить в концлагерь на пять лет, имущество конфисковать. Срок считать со дня ареста. Дело сдать в архив».

16-го февраля этапом отправлен с группой осужденных однодельцев в Карельские концлагеря и прибыл на Лей-Губу на берегу Выг-озера. Пробыл в лагерях Лей-Губы, Май-Губы, Шавани, Сегежи, Медвежьей Горы и Повенца половину срока. При временном «либеральном» веянии, подобно многим другим однодельцам разосланным по Сибири и Средней Азии, отправлен в ссылку на Кузнецкстрой, где работал экономистом на строительстве Металлургического Комбината.

По отбытии ссылки получил минус 28, т.е. запрещение проживать в 28 крупных городах. Работал экономистом в Ярославле, Ржеве, Казани и Куйбышеве: во всех, кроме Куйбышева уволен по чисткам за прежнюю политическую судимость и спешно покинул город, что помогло избежать нового ареста, которому подверглись другие вычищенные, бывшие концлагерники, получившие второй срок.

В Куйбышеве меня застала Вторая мировая война и 1-го сентября призван и отправлен в штрафной батальон, где одно время был на привилегированном положении, сочиняя шпаргалки для политдокладов разных комиссаров и политруков, но под Рождество за отказ выступить с антирелигиозным докладом, подвергся новым преследованиям. Забо-

лел чесоткой и фурункулезом и помещен в изолятор с чесоточными и сифилитиками. По выздоровлении признан врачами негодным к строевой службе и 11-го июня отправлен на южный фронт под Краснодар, откуда после немецкого прорыва под Воронежском отступал до Ростова на Дону, где мне удалось бежать 8/21 июля в праздник Казанской иконы Божией Матери. Трое суток скрывался, а в Ольгин день приветствовал германский авангард и получил удостоверение, что перешел добровольно и не подлежу военному плену. Основал газету «Голос Ростова». В ночь на 5-ое февраля (ровно через 13 лет с моего ареста) вывезен немцами из Ростова на Таганрог, откуда ввиду прорыва фронта танковой армией ген. Борисова отправлен поездом в Кировоград. По ликвидации прорыва вызван в Мелитополь редактировать газету «Мелитопольский Край». В Берлине стало известным, что я владею французским языком и мне предложили поехать в Бельгию. Принял предложение по трем соображениям: 1. Не отбивать место у эвакуированных редакторов из Ставрополя, Пятигорска, Святого Креста. 2. Познакомиться с русской эмиграцией. 3. Вернуться служить России со знанием Запада.

Прибыв в Брюссель, познакомился с братьями Войцеховскими и Жеребковым и выступил по французски в Спорт-Паласе при 12 тысячах слушателей с покойным Г. Л. Войцеховским, фламандцем Ван дер Вилле, рексистом Леоном Дегреллем и погибшим затем в советском концлагере поручиком Николаем Давиденковым. Прожил в Бельгии весь июль и половину августа 1943 года, выступая в 26 городах, в промежутках проводя вечера у русских эмигрантов в сопровождении протопресвитера о. Александра Шабашева. С 15 августа по 15 сентября объехал северо-западную Францию, развезая из Лилля. Затем вернулся в Берлин. Второй была поездка во Францию в начале октября 1943 года выступал в Париже, Лионе, Марселе, Монпелье, (где под кафедрой на сцене перед моим докладом нашли бомбу с часовым механизмом, которая должна была взорваться посреди моего выступления), откуда проехал в Бордо, Тур, Анжер.

Вторая поездка была в Лион (вторично), Гренобль, Сен Мишель де Морлен, (где выступал перед батальоном владиславцев по русски), Юриаж, где выступал

низует при нем молодёжный патристический клуб «Родина» (ни одна другая советская организация не хотела иметь при себе этот клуб). «Родина» очень быстро получила самую широкую известность: сюда стекалась московская молодёжь, чтобы учиться видеть и любить Россию, чтобы изучать и спасать, где это возможно, собственными руками памятники русской архитектуры.

Семидесятые годы начались с тяжелого сражения за спасение русской столицы. В 1971 году Глазунов активно включился в работу уже существующей Комиссии по охране памятников при Союзе художников СССР. К этому времени Комиссией были собраны обширные материалы по памятникам архитектуры Москвы и об антинациональной политике Главного архитектурно-планировочного управления города Москвы в реконструкции столицы. К сожалению, материалы эти не были переданы во время правительству, и в июле 1971 года Глав. АПУ вынудило правительство утвердить генеральный план реконструкции Москвы. Этот план был создан на основе Генплана 1935 года, вдохновленного и чуть ли не собственноручно прорисованного Кагановичем. О самой тесной связи Генплана 71 года с Генпланом 35 года открыто заявлял сам Главный архитектор Москвы Посохин. О том же, что такое Генплан 1935 года, можно судить хотя бы потому, что за несколько лет его осуществления в Москве было уничтожено более 400 лучших памятников национального зодчества.

Илья Глазунов стал душой борьбы московской общественности против уничтожения русской столицы. Он обратился в правительство, где уже находились письма от культурной и научной общественности Москвы, с документами, созданными Комиссией при Союзе художников и встретил в правительстве понимание и поддержку. Результатом борьбы явилось постановление МК КПСС от 21 июня 1972 года, которое обязывало Глав. АПУ изменить свою политику в отношении культурного населения Москвы... Но Глав. АПУ полностью игнорировало постановление МК, ни на йоту не отступив от своей антинациональной, антикуль-

турной градостроительной политики. План Кагановича — Посохова осуществлялся с удвоенной энергией: пока руки развязаны будем ломать сколько успеём...

К концу 1972 года московская общественность убедилась, что никаких сдвигов в работе Глав. АПУ нет и все осталось по-прежнему. Тогда Комиссией по охране памятников при активнейшем и вдохновляющем участии И. С. Глазунова были созданы альбомы с практическими предложениями, дающими возможность сохранять архитектуру исторического центра города и при этом удовлетворить нуждам современной городской жизни.

Альбомы ставят важнейшие вопросы: ЭКОНОМИКА: «Экономика голосует против сноса». Одним из основных доводов руководителей Глав. АПУ при сносе исторической Москвы является утверждение, что снос старой постройки и строительство на её месте новых зданий — дешевле, чем её сохранение.

По хозяйски, по государственному произведенным расчетам показали, что экономическая политика Глав. АПУ — ложна... Расчеты показали, что сохранение всех зданий, которые еще могут служить в черте Садового кольца против замены их новыми, дает экономию в 400 млн. рублей. В целом по исторической Москве такой метод дает экономию порядка 1.500 миллионов рублей.

НЕ ТОЛЬКО ФИЗИЧЕСКОЕ РАЗРУШЕНИЕ, НО И ДРУГИЕ МЕТОДЫ УНИЧТОЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

«Метод морального уничтожения» путем перекрытия объемами современных построек американского типа красивейших панорам, ансамблей и памятников архитектуры Москвы.

«Запрещение ремонтировать и реставрировать» (с 1935 года по сей день) домов, якобы попадающих под реконструкцию, т. наз. «малоденный фонд».

«Мы не должны делать никаких новых капиталовложений в существующую Москву и терпеливо лишь дожидаться

естественного износа старых строений, исполнения амортизационных сроков после которого разрушение этих домов и кварталов будет безболезненным процессом дезинфекции Москвы». (Согласно М. Гинзбургу, идеологу конструктивизма, «Советская архитектура», 1930 г.).

Анализируя характер новой застройки Москвы, авторы альбомов задают законный вопрос:

«Почему коммунистический город должен копировать капиталистическую архитектуру, а не быть национальным по форме, социалистическим по содержанию».

Усилиями Ильи Сергеевича и его сподвижников альбомы были представлены членам правительства. Результатом явилось создание Экспертной комиссии Госстроя СССР, которая должна была проэкспертировать Глав. АПУ. Л. Брежнев поручил МК КПСС разобратся в состоянии дел с Москвой. Вся огромная, невероятно трудная, разъяснительная и подготовительная работа, которую провели лучшие люди Москвы под руководством И. Глазунова и при его непосредственном и деятельном участии, была закончена до 3 июня 1973 года. Всё, что можно было сделать на современном этапе для спасения исторической Москвы, было сделано к этой дате. Экспертная комиссия Госстроя СССР дала резко отрицательный отзыв о деятельности Глав. АПУ, особенно по части сохранения (вернее, разрушения) памятников национальной культуры.

Илья Глазунов — человек огромной силы. Истинный пассионарий, он не имеет в жизни «личных» интересов. Вся жизнь, все стремления его подчинены служению идее, имя которой Россия. Напряженнейшая внутренняя жизнь, редкая целеустремленность, неистощимая энергия, невероятная работоспособность, умение зажечь всех, все подчинить своей воле... Ни минуты потерянного времени, — вот девиз этого человека.....

Завистников его славы много, но кто из них обречен себя на непрерывный каторжный труд? Завистников его влияния много, но кто из них готов обречь себя на ядовитые укусы постоянно роящейся клеветы?

Дорогу осилит идущий!

Говоря о сражениях и победах Ильи, невозможно умолчать о жене его Нине — замечательной женщине нашего времени. Обладая незаурядным умом, благородством, редкой силы характером, идейностью и убежденностью подстать Ильи и полной мерой женственности и красоты, Нина Виноградова-Бенуа вызывает поклонение всех, кто знает или видит её хоть раз. Преданная любовь Нины к мужу составляет атмосферу их дома. Мать двоих детей (Вани и Веры), сна, лишая себя сна и отдыха находит силы и время для работы плечом к плечу с мужем. Друг, соратник, ангел-хранитель.

..... Дом Глазуновых — один из интереснейших домов Москвы. Художнику дорого все, что касается мира русской культуры. Древняя икона, прялка, мебель... древняя русская музыка... Дом Ильи Глазунова, его мастерская — своеобразный маленький музей русского искусства...

Сюда приходят все, кому дорога русская культура, кто хочет и способен действительно помочь спасению нашего национального наследия.....

Пример Ильи Глазунова — вдохновляющий пример, блестящего художника-патриота, уверенного в своей правоте и доказавшего её своим творчеством. Пример Ильи Глазунова — вдохновляющий пример общественного деятеля-патриота, умеющего смотреть далеко вперед и верить в великое будущее своего народа, несмотря на все трудности и падения нынешнего дня.

Илья Глазунов лишний раз всей жизнью своей доказывает, что при наличии твердой веры в правоту и силу свои при постоянном и целеустремленном труде, невозможное становится возможным, фортуна покровительствует смелым. Смелость Ильи Глазунова, помноженная на его дар и его любовь к России — верный компас в его стремительном продвижении вперед. Слава Глазунова — это слава русской культуры сегодня, её вековых традиций.

ВЛАДИМИР ОСИПОВ
«ВЕЧЕ» № 8

перед пропагандистами группы Жозефа Дарна. Третья поездка была на восток, где выступал в Реймсе, Шаллон на Марне, Нанси и Бельфоре. Я забыл добавить, что при второй поездке в Лион съездил выступать перед рабочими военного завода в Роанне, где установили, что меня с сопровождающим унтер-офицером ждет засада на обратном пути в Лион, поэтому мы проехали на автомобиле по другому пути прямо в Париж, а оттуда, передохнув два дня, проехали в Гренобль.

Затем состоялась последняя поездка в Эгре вблизи Парижа. Там была новая засада, но мы ее избежали, оставив автомобиль и вернулись поездом в Париж. В Париже познакомился со многими земляками и с французами: Дорио, Марселем Деа, Жозефом Дарнаном, Марселем Бюкаром. Там же в ноябре имел счастье представиться Великому Князю Владимиру Кирилловичу, прибывшему на похороны Великого Князя Бориса Владимировича и быть Им принятым и представить Его Императорскому Высочеству поручика Николая Давиденкова, командированного генералом Власовым для обслуживания власовских частей во Франции. Перед моим возвращением в Берлин поручил Давиденкову представлять Великому Князю прибывающих власовских офицеров. Об этом узнал генерал Власов и отозвал Давиденкова.

Отец А. Киселев в книге «Облик генерала Власова» рассказывает когда генерал Лампе сказал ему: «Мы с генералом Красновым монархисты», он ответил: поезжайте в наше село. Там Вы найдете третьего — моего отца. Он кирасир и его идеал Император Александр Третий» (стр. 74). Давиденков ушел от Власова к генералу Краснову, который мне так говорил о власовских генералах: «согласен, что они все против Сталина, но для меня и Керенский неприемлем!» Растерялся Давиденков с некоторыми неточностями описан А. И. Солженицыным в «Гулаге».

Покинув Париж, вернулся в Берлин, где письменно отвечал на заданные мне вопросы в Бельгии. Первую мою рукопись писал в сентябре, но она погибла при бомбардировке. Вторично я диктовал ее по-русски в Веймаре, где жили семьи работавших в Антикоминтерне. Там провел весь февраль и половину марта 1944 года.

По возвращении отправился в Хорватию, выступал по немецки в Загребе, Сараеве, Вараждине после чего был приглашен выступать перед казаками первой дивизии генерала фон Панвица, разбросанными по селам Хорватии. Выступал в Сунье, Костанице, Бричкованы, Дугосело и других селах. Пасху 1944 года встречал в церкви при штабе дивизии в Сисаке. Там также знакомился с русской эмиграцией. Помню правоведа Энгельгарда, на три выпуска меня старше, милую семью бывшего казанского губернатора Боярского и других. По возвращении из Хорватии вскоре отправился в Венгрию, где выступал во всех крупных городах. Ласково был принят в семье посла Вейзенмайера, женатом на милой русской эмигрантке и потом от бывшего пять лет тюрьмы в британской зоне оккупации. Из Венгрии проехал в Грецию; там выступал в Салониках и Катарини у подошвы горы Олимпа, где на нас напали партизаны, но я отсидел их атаку в германской фельдкомендатуре, а после их ухода в горы был найден убитый партизан с ручной гранатой под окном гостиницы, откуда я задним ходом спасся в комендатуру.

При возвращении остановился в Белграде, где выступал в лагере Русского Корпуса и был принят покойным Люттичем, у которого над столом висел портрет Короля Петра Второго.

Последней была поездка в Чехословакию, где был принят бароном Меллер-Закомельским и профессором Вышеславцевым. Кроме того выступал перед русской эмиграцией в Пильзене.

Когда вернулся в Берлин, в ясную апрельскую погоду уже слышались отдаленные раскаты советских орудий на Одере. Давиденков предложил меня вывезти на автомобиле с его беременной женой в штаб генерала Краснова в Италию.

Проехав через бомбардируемую днем британской и ночью американской авиацией Германию в Толмеццо, а оттуда на вилла Сангина, были 20 го апреля 1945 года прекрасно приняты генералами Красновым, Домановым и Шкуро.

Но когда они получили приказ покинуть Италию и идти походным порядком в Австрию сдаваться англичанам, то я — не военный подчиненный военному ко-

† 9-го октября 1977 года в г. Сан Пауло (Бразилия) после непродолжительной, но тяжелой болезни, в возрасте 88 лет, Божией волей скончался

КАПИТАН ОТ АРТИЛЛЕРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ
АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ ТЕРЕХОВ-ФОМИН

о чем с глубокой скорбью сообщает сын, невестка и внуки покойного.

† Редакция «Нашей Страны» с глубоким прискорбием извещает о кончине своего долголетнего представителя в Сантьяго (Чили), безвозмездно и самоотверженно помогавшего газете,

АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА ТЕРЕХОВА-ФОМИНА

и выражает свое сердечное соболезнование семье покойного.

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВАГИНА

Солженицын и Вагин. Сегодня эти два имени ближе всего сердцу русского националиста. В чем их историческое значение? Солженицын прославился отрицанием социализма, испепеляющей критикой советской системы. Но при всех своих заслугах он не выдвинул цельной и независимой политической программы для будущей России. Вагин же провозгласил положительную программу. Ясно и недвусмысленно предложил восстановить монархию, указал на исторический прецедент, близкий к идеалу: царствование императора Александра III.

Если Александр Солженицын пробил брешь в стене молчания о страданиях русского народа, то Евгений Вагин ворвался в эту брешь и поднял ввысь имперское знамя, увенчанное двуглавым орлом. Никто иной, как Вагин, твердо и уверенно провозглашает на страницах «Нашей Страны» — «народного царя». Как верно и замечательно сказано! Кто, из бесчисленного стада диссидентов, осмелился произнести священное и спасительное слово — ЦАРЬ? Все это стадо бляело и блевало осточертевшей жвачкой демократической пропаганды. Не им передана эстафета русского народа. Не им, а таким людям, как Евгений Вагин.

Что может быть великолепнее его статьи — «Народ — за царя» («Н. С.» № 1428): «огромное большинство русских проникнуто монархическими чувствами», «вечная идея монархии зажигает энтузиазмом сердца молодежи русской»; «лишь столичные либералы говорят о демократии, но катакомбные

мандованию, а журналист и лектор остался в Палуццо со многими русскими семьями. В Страстную Среда причащался в уступленной католиками нам церкви вместе с генералом Петром Николаевичем Красновым, который опирался на руку казака (это, наверно, было его последнее причастие) и в страстную пятницу вся казачья армия пошла в мятежь в уготовленную англичанами ловушку, а я в пасхальную ночь разговлялся в милой семье инженера Крылова. Вскоре заняли Палуццо англичане и я оказался переводчиком оставшихся земляков. Англичане нас вывезли на грузовиках через Пьяно дел Арте, Местру в Форли, где за отсутствием места в набитой фашистами тюрьме поместили в палатках своего охраняемого лагеря. Через два дня поездом доставили в лагерь беженцев и освобожденных из германского плена Чинне-Чинта (кино-город). Скоро явился за нами майор Госбезопасности Румянцев. Он проверил число русских и сказал, что завтра приедет за нами с грузовиками. На вопрос: открыты ли в СССР церкви? майор ответил: «да, для дураков!» Я с английским сержантом отправился к комманданту-капитану. На вопрос, что делать с теми, кто не хочет вернуться, капитан, не зная, что я понимаю по-английски, ответил: «взять и грузить в советские грузовики, это изменники; их ждет суд Сталина, который наш лучший союзник: взятием Берлина, он спас нашего короля от германского нашествия!» Сержант выйдя от капитана, сказал мне: «скорее бегите из лагеря, пока мне не прикажут Вас вязать». Я сразу же бежал и поступил ночным табельщиком на службу в американский лагерь отдыха офицеров и солдат. С закрытием лагеря в 1946 году стал уборщиком казарм американской военной полиции.

Это было наиболее тревожное для меня время. Ведь моей выдачи под пред-

логом «коллаборации» могли требовать не только советские репарационные комиссии, шнырявшие по Италии в охоте за нашими черепами, но и правительства Бельгии, Греции, Франции, Югославии, Венгрии, Чехословакии. Так в тревогах прошло полтора года при постоянных арестах. В Италии арестовали ирландца Джойса, выступавшего по берлинскому радио под кличкой «лорд Хау Хау», и сына лорда Эмери, — оба были повешены в Лондоне. Вдохнул я, когда Италия в конце 1946 года заключила мир и прекратилась англо-американская оккупация. А в 1947 году была принята конституция, 10 я статья которой предоставляет политическое убежище и запрещает выдачу иностранцев за политические деяния, считающиеся на их родине преступлениями против политического строя.

Тут я смог выйти из «подполья» и начать сотрудничество в итальянской печати. Под псевдонимом «Сергей Нестеров» начал с 1949 года сотрудничество с о. протоиереем Михаилом Польским поместившим ряд моих свидетельств о встречах мною новомучениках и исповедниках в тюрьме и в концлагере во втором томе своего труда «Новомученики Российские». Много лет помещал свои статьи о церкви в современной России в редактируемом моим покойным другом еще с Берлина И. М. Андреевым «Владимирском Календаре». Но моя деятельность война в одиночку получила другой более плодотворный характер, когда с марта 1955 года вступил в ряды народных монархистов и начал дважды в месяц помещать свои «На Родине» в «Нашей Стране». Сперва я стал секретарем по особым заданиям: сношения по ту сторону, затем заместителем генерального секретаря В. К. Дубровского и после его кончины генеральным секретарем. Наше руководство работает по изданию газеты, собирая на это средств, устройст-

христиане неустанно проповедуют близкое пришествие антихриста». На фоне яркого света этих истин каким жалким представляется заговор части диссидентов разыгрывать комедию легальной оппозиции и скрыть национальное движение.

Все русские националисты восхищены патриотизмом Евгения Вагина. И не случайно первые его статьи, полные национального задора и литературного блеска, напечатаны именно в единственной русской еженедельной монархической газете — в «Нашей Стране». Попав на Запад Вагин сразу примкнул к почвенным монархистам.

Надо отметить, что Вагин поддержал и защитил также Николая Тетенова, травимого редактором «Нового Русского Слова».

О Вагине я писал в «Нашей Стране» в 1975 году, когда он еще находился в заключении. Только благодаря «Нашей Стране» удалось рассказать правду о русском национальном движении и его героях — Огурцове, Осипове, Вагине, Садо. Когда иные диссиденты и западные либералы шумят о правах человека — они умалчивают, что эти права не для всех. Свободу требуют лишь для немногих профессиональных политиков определенного, серо-демократического направления. И только: для считанных единиц, обычно, врагов России. О тысячах, о миллионах русских — ни слова; они для Запада — не люди, а скот, который можно избивать в Лиенце или продавать в Ялте. Куда только подевались знаменитые «права человека»

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Соредатор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Телефон Редакции: 52-7426.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.

и «совесть Запада» во время чудовишной выдачи «власовцев» и просто «перемещенных лиц». Когда американцы бросили на гибель сражавшуюся за них вьетнамскую армию — в тысяче других подобных случаях — выясняется, что пресловутые права — просто привилегия кучки демократов, нужных, в данный момент, масонской политике. Представителей русской национальной оппозиции Запад не защищал и никогда за них не заступится.

Вот почему должны защищать их мы. Защищать таких единомышленников Вагина как Огурцов и Садо.

Ныне, когда Солженицын как бы удалился в затворничество, Вагин неутомимо и неустрашимо продолжает обличать врагов России. Рассказ Вагина о русском национальном движении имел небывалый успех в Италии, Германии, Дании, Норвегии, Швеции, Бельгии и Франции. Русское зарубежье должно продолжить энергичную защиту и поддержку этого движения.

Нам надо восстановить русское царство потому что отсутствие монархии — это погрязание в демократической фразеологии, обмане и болтовне. Это — Вавилонское царство лжи, тирания денег, когда по меткому выражению О. Бартечева, «принца сменяет беспринципность». А твердую волю и патриотизм — бесхребетность, бесхарактерность, хамелеонство и продажность. Русские катакомбы, как свидетельствует Вагин, отвергают Вавилонскую ложь и хранят верность идеалу христианской монархии.

АЛЕКСАНДР УДОДОВ

ву выставок и памятных дней. Координируя эту полезную работу, я, благодаря проезду через Рим новейших эмигрантов, смог ознакомиться с программой Народной монархии крупных работников искусства, как М. Л. Ростропович, Г. В. Вишневская, О. М. Яблонская и привлечь к сотрудничеству Е. А. Вагина, А. И. Удодова, художника Синявина и других.

В 1953-68 г. г. был профессором русского языка, истории, литературы и моментального перевода в Международном Университете Общественных Наук.

В ноябре 1968 года провел 6 дней в Мадриде у Великого Князя Владимира Кирилловича, где получил от него директивы по всем вопросам монархической работы.

В марте 1972 года вызван протопресвитером о. Г. Граббе выступать свидетелем на суде о церкви в Си Клифе, а в сентябре 1974 года выбран римским приходом делегатом на третий Собор нашей Церкви, где помогал секретарю Собора епископу Лавру в секретарствовании и сделал 18 сентября доклад о современном состоянии католической Церкви, опубликованный в «Церковной Жизни» за январь июнь 1976 года.

Будучи с 1955 года членом Ассоциации Иностранной Печати в Риме, поддерживаю близкие сношения и обмен информацией с журналистами-эмигрантами из Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии.

Большую помощь в переправке литературы в СССР мне оказывали народные монархисты в Милане Борис Зуев и его покойная супруга Инна. В Риме большую помощь получаю от моей жены — народной монархистки (женат с 1954 г.) и с первых дней нашей дружбы от талантливого Е. А. Вагина.

Сам я бодр и здоров и обещаю сохранить темпы своей монархической работы.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ